

УДК 947.07

РУКОПИСИ Г.Н. ПОТАНИНА «ЗАПИСКИ О САМАРЕ» И «ДЕДУШКА ИЗ САМАРЫ» – ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ «ЛОКАЛЬНОЙ» ИСТОРИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

© 2013 Л.М. Артамонова

Самарская государственная академия культуры и искусств

Поступила в редакцию 09.09.2013

Сочинения Г.Н. Потанина являются ценным источником сведений о жизни русского провинциального города в канун Великих реформ. Они также являются уникальными памятниками исторической мысли, значение которых стало возможным осознать лишь в рамках новейших теоретических подходов.

Ключевые слова: история России XIX века, историческое краеведение, локальная история, историография отечественной истории.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-11-63008 а(р) «Исторические представления и традиции жителей дореформенного провинциального города в записях и осмыслении середины XIX в. (по собранным в Самаре данным устной истории, материалам фольклора, этнографическим сведениям)».

Как уже показано в современной литературе, культура провинции в России, «стране больших пространств», часть образа нации. В наследие будущим поколениям остались интересные памятники как художественного, так и научного творчества середины XIX в., созданные в российской «глубинке». Они не должны оставаться вне внимания исследователей «из-за слабой разработанности проблемы или долго сохранявшегося негативного восприятия термина «провинция»¹.

Значение и содержание этих памятников еще не вполне осознано, а ряд из них остаются вовсе незаслуженно забытыми. К примечательным произведениям из этого ряда относятся сочинения самарского учителя Гаврилы Никитича Потанина. Его труды пока не нашли адекватного осмысления исследователями во многом из-за того, что не были изданы и продолжают быть доступными только в рукописях, хранящихся в фондах Научного архива Русского Географического общества (НА РГО)². Документы, связанные с судьбой и сочинениями Потанина, имеются также в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРК НБЛ КПФУ) и других архивохранилищах.

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества. E-mail: artamonovoi@mail.ru

В рукописном наследии Потанина наибольшее внимание регионального исследователя привлекают две обширные рукописи из архива РГО под названием «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары». Нельзя сказать, что они оставались полностью неизвестными, поскольку упоминания об их наличии появлялись время от времени в различных публикациях.

О том, чтобы его краеведческие рукописи не остались забытыми, заботился еще сам Потанин, указав на них в краткой автобиографии, отправленной в 1889 г. для «альбома»-сборника М.И. Семевского «Знакомые». Однако в первое и единственное издание этого сборника потанинский текст не вошел³, а нового тома или переиздания своего сборника Семевский не сделал. Извлеченная из архива биографическая заметка была издана только в 2002 г. Г.Н. Красновым⁴. Это единственный историк литературы, в работах которого оказались упомянуты историко-этнографические сочинения Потанина, поскольку обычно другие литературоведы писали только о его беллетристике⁵, ставя автора не очень уважительно в ряд «малоизвестных писателей», некогда проживавших в Самарском крае⁶.

Сам же Потанин в указанной автобиографии подчеркивал то, что является членом-корреспондентом этнографического отдела РГО, перечислял свои неизданные краеведческие труды наряду с опубликованными литературными произведениями, известными русскому читателю («Старое старится – молодое растет», «Год жизни», «Штатный смотритель»). При этом наряду с «Записками о Самаре» и «Дедушкой из Сама-

ры» он указал несколько работ, в архиве РГО не обнаруженных и, вероятно, утраченных.

В 1916 г. две сохранившиеся рукописи Потанина и отдельные сюжеты, в них вошедшие, очень кратко описал среди прочих материалов архива РГО Д.И. Зеленин⁷. Эти малоинформативные описания упомянутых рукописей были повторены в справочнике, составленном В.М. Бирюковым и изданном в 1994 г.⁸ За почти столетний промежуток времени между выходом в свет указателей Зеленина и Бирюкова никаких попыток использовать эти рукописи из архива РГО в самарском краеведении не предпринималось.

Интерес к рукописям Потанина в фондах РГО проявился в начале XXI в. Было высказано обоснованное предположение о том, что познакомил самарского учителя с деятельностью этого научного общества и стимулировало появление его новых работ поручение директора народных училищ Самарской губернии А.П. Пономарева. Речь шла о подготовке ответа на запрос из РГО о сборе на местах сведений к словарю угро-финских языков⁹. Этот запрос упоминал Пономарев в отношении, отправленном в РГО 12 ноября 1853 г.¹⁰

Составленный по просьбе РГО и своего непосредственного начальника мордовский словарь и замечания к нему упоминает Потанин в автобиографии как «Заметки о мордве Эрзи» и «небольшой словарь и грамматика мордвы», которые остаются найденными наряду с указанными там же областным словарем Самарской губернии и заметкой о нефтяных источниках Самарской губернии¹¹. Из представленного в автобиографии списка трудов повезло сохраниться «Запискам о Самаре» и «Дедушке из Самары». Они были созданы Потаниным по собственной инициативе и присланы им в РГО в 1854 г., в архиве которого и сохранились¹².

Известно, что «Словарь наших областных слов» Потанин отправлял в РГО в качестве приложения к «Запискам о Самаре», последний раздел которых посвящен особенностям местной речи и сам по себе содержит немало слов и выражений, употреблявшихся в городе. Сами «Записки», равно как и «Дедушка из Самары», могут и должны быть изучены с точки зрения различных дисциплин: литературоведения, фольклористики, диалектологии, этнологии и др. В настоящей же статье они рассмотрены как вехи на пути становления исторического краеведения Самары, как одно из ранних для российской провинциальной историографии проявлений того, что в современной науке принято называть «локальной историей», хотя по поводу ее определения существуют разногласия.

Мы не разделяем позиции некоторых современных авторов, чье неприятие вызывает традиционное «историческое краеведение» («регионалистика», «провинциальная историография»), которое, по их мнению, выступает «как идеологическое средство государственного и национального утверждения», пытается совместить «геологию с духовностью», порождает новые мифы и «ксенофобию». Отрицая «научность» трудов краеведов, эти авторы упрекают тех даже в том, что последние продолжают, как прежде, искать новые источники в архивах, хотя это занятие бессмысленное, поскольку никаких «открытий» там никого не ожидает и большинство документов якобы уже введено в оборот. Подобные весьма странные утверждения можно встретить в публикациях С.И. Маловичко, М.П. Мохначевой и некоторых других на страницах российских и зарубежных изданий, включая «Харківський історіографічний збірник», «Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки», «Регіональна історія України». Нам представляется более справедливым традиционный уважительный подход к краеведению, выраженный Д.С. Лихачевым, который находил достоинство в том, что краеведение – «воспитывающая наука», которая «соединяет в себе сведения природоведческие (в свою очередь комплексные), исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т.д.»¹³.

Подобный подход разделяют и те авторы, которые преимущественно строят свои выводы не на отечественной, а на зарубежной историографии. Так, в классификации И.М. Савельевой и А.В. Полетаева локальная история существует на равных правах с историей страны, историей обширного региона, например Европы, и всемирной историей. Локальная история имеет сложную типологию, но ее самый ранний, самый устойчивый, самый распространенный тип – история «малой родины (области или города)» – не исчезает даже с появлением новейших методологических подходов. «Локальная история такого типа» отличается как раз постоянным «поиском и сбором новых местных документов», она «примыкает к краеведению или вообще включается в него», выполняя весьма прагматичную функцию – обеспечивать «фундамент для исторической памяти жителей соответствующей местности»¹⁴.

Несомненно, что как труды Потанина, так и извлечение их из архивного забвения для использования в будущих краеведческих исследованиях вполне вписываются в такое современное определение локальной истории. Они представляют собой сочинения, в которых и изучению истории города отводится достойное

место, и одновременно они сами являются фактом культурной и интеллектуальной жизни, общественной и исторической мысли дореформенной Самары.

В исследовательских подходах Потанина можно также обнаружить неожиданные для его времени элементы таких получивших широкое распространение сравнительно недавно методов, как «ментальная история» и «история повседневности». Красноречиво говорит сама за себя формулировка главной задачи, которую поставил самарский учитель середины XIX века: «Я должен отыскать общую черту народности, духа, характера, нравов, ума, образования, стремления и пр. Я должен описать Самару!»¹⁵.

Также вполне современно выглядят приемы работы Потанина в русле «устной истории». Это заметил в ходе работы над темой самарских корреспондентов РГО Ю.Н. Смирнов. Он пришел к выводу, что находящиеся в архиве «труды Потанина являют редкий не только в региональном, но и в общероссийском масштабе опыт пересказа и даже дословной фиксации устной истории, бытовавшей в купеческо-мещанской среде»¹⁶.

Г.Н. Потанин – бывший крепостной, сын дворового, тем не менее получил хорошее образование, окончив Симбирскую гимназию, что дало ему право получить место в Самарском уездном училище. Там он начал работать с 1847 г. учителем русского языка¹⁷. Совершенно понятны и естественны усилия преподавателя-словесника как по созданию литературно-художественного оформления своих текстов, так и по воспроизведению образцов народной речи. Однако и то и другое, понимал Потанин, может помешать научной точности и объективности. Видимо, поэтому он разделил в общем цельное исследование на две части.

Первая из них, «Записки о Самаре», представляет собой связанное тематическое изложение материала по определенному плану с художественными, иногда даже поэтичными отступлениями. Вторая часть более своеобразна. Она носит два названия: «Дедушка из Самары» или «Самарский Геродот», и напоминает местами записи, сделанные в ходе фольклорной экспедиции, или развернутое интервью, проведенное по методу «устной истории».

Как образованный человек XIX века, он прекрасно понимал важность письменных источников для исторического или социального исследования, но не имел в своем распоряжении ни нужных документов текущего делопроизводства или извлеченных из архива, ни книжных или газетных публикаций, ни справочной или мемуарной литературы. Он прямо в «Записках» подчеркивает это обстоятельство: «История наро-

да, как и факты о городе, точно так же погибли во время последнего пожара»¹⁸.

Ссылка на пожары небезосновательна, но не объясняет полностью отношения автора к письменным источникам. При всей бедности базы самарского краеведения в середине XIX в. ее нельзя считать нулевой. Еще в XVIII в. были не только написаны, но и опубликованы классические труды историко-этнографического и экономико-географического содержания П.И. Рычкова, П.С. Палласа, Т.Г. Масленицкого, содержавшие сведения и по Самаре. Материалы по Самарскому краю появлялись в первой половине XIX в. в столичных изданиях, а также в периодике соседних губернских центров: Симбирска, Казани, Саратова. С 1852 г. стала выходить первая местная газета «Самарские губернские ведомости». Даже из самих «Записок» видно, что Потанин газеты читал, но содержащаяся в них краеведческая информация не вызывала у него доверия, а авторы – особого уважения, что легко просматривается в таких высказываниях: «Кто-то, в Самарских Ведомостях уверяет нас печатно, будто бы слово «Самара» означает «воловье ярмо»»¹⁹.

Несомненно, он был знаком с какими-то общими или специальными трудами по русской истории, а с гимназическими учебниками – тем более. Правда, ничего из этого Потанин прямо не упоминает и совсем не делает на них ссылок. Одна из возможных причин заключается в том, что господствовавшая в науке того времени государственно-политическая направленность книг по истории расходилась с его собственными исследовательскими интересами, а идейная направленность дворянской историографии была чужда его убеждениям.

Характерен один из диалогов, где происходит опознание «свой – чужой» между автором (бывшим крепостным, а ныне учителем) и рассказчиком (самарским купцом) на основе неприязни к дворянству:

- «А што по-твоему, дедушка, значит барин?»

- «Барин? - известно што: это так: не то што видь наш брат грешный, совсем ино: и кровь-то в них дворянском ды лень-то, барска. Сказал бы я тебе правду-матку, да ты ведь, поди, я чай, усмерчашь на меня?»

- «Это за что, ты ведь знаешь, кто был я?»

- «Да! ты ведь бишь наш брат простой, тебе можно баять все; а то ведь ты знаешь пословицу: не трожь дерьмо, не вонят, - ну и будь от него подале! А признаться тебе, больно мне не по нутру наши русски баре [...] Ему же русский простой человек клонится в землю, да завет его: кормилец. А кормилец-барин оберет русского человека, да выпустит по миру. - Вот те и отец родной с барской душой!»²⁰.

От лица Потанина здесь нет никаких комментариев. Однако сомнений в согласии со словами купца не возникает, и не только потому, что он вставил откровенные антидворянские выпады в свою рукопись, предназначенную для публики, хотя в России еще продолжалось суровое для вольнодумцев царствование Николая I. Через 15 лет, в 1869 г., в доносе «коллеги» – учителя Витебского приходского училища на Потанина слышно как будто продолжение прежнего разговора с «Дедушкой из Самары»: «21 минувшего октября при чтении учеником рассказа «Город и деревня» Потанин спрашивал у читавшего: «Что такое помещик?». Едва ученик сказал: «Помещик иначе барин», как инспектор Потанин начал объяснять: «Барин, баре, – это лежебоки, ничего не делавшие, лентяи, обобрававшие своих крестьян, всякий барин подлец, сукин сын»». Дело дошло до высших имперских чиновников. Виленский генерал-губернатор 27 декабря 1869 г. сообщил начальнику III отделения П.А. Шувалову, что коллежский секретарь Потанин «порицал высшие сословия и в особенности дворянство», но министр просвещения Д.А. Толстой вскоре успокоил начальника политической полиции тем, что принял решение «о недопущении впредь Потанина на службу по учебным заведениям»²¹. Странно лишь то, что за одинаковые в общем высказывания провинциального педагога наказали не в прежнее николаевское царствование, а в прогрессивную «эпоху Великих Реформ».

Впрочем, и в Самаре служба для Потанина не была радужной, закончившись печально и для него самого, и, к сожалению, для последующих исследователей, поскольку первоначальный замысел изучения Самары не был доведен до конца. В обращении к РГО, поясняя содержание «Записок о Самаре», Потанин написал: «Я намерен, желая сколько возможно заслужить лестное для меня внимание общества, хотя не полно, не отчетливо очеркнуть: религию, управление, характер жителей, нравы, образ жизни, обычаи и язык». На самом деле круг вопросов, затронутых здесь, был шире. Он включал также очерки о заволжской степи и заселении этих мест, происхождении города и его застройке, формировании и составе населения. Кроме того, Потанин обещал представить «в следующих тетрадах физиономии жителей, их старый костюм, дом, дверь и все помещение прежнего самарянина; песню и сказку; пословицы и поговорки; заблуждения, поверья и гаданья»²².

Эти «следующие тетради» так и не были написаны и представлены в РГО. После перехода Пономарева на службу в 1856 г. в только что открывшуюся Самарскую гимназию Потанин был

назначен на его место штатным смотрителем Самарского уездного училища. Однако из-за конфликта с самарским губернатором К.К. Гротом он был в 1858 г. переведен формально на ту же должность, но в уездное училище захолустной Бугульмы, а в конце 1859 г. вовсе отставлен от службы с запретом работать в учебных заведениях Министерства народного просвещения²³. Это лишило Потанина с семьей средств существования и заставило уехать в Петербург, где он получил поддержку поэта и издателя Н.А. Некрасова, который помог Потанину вновь устроиться на учительскую работу, а в 1861 г. начал публиковать в журнале «Современник» его роман «Старое старится, молодое растет»²⁴.

Официально в первой отставке Г.Н. Потанина не было политической подоплеки, как это случилось в 1870 г., а наказали его за должностные проступки. Обстоятельства данного случая выглядят достаточно запутанно, само наличие или степень служебных нарушений в Самаре и Бугульме требуют специального рассмотрения, выходящего за рамки настоящей статьи. Для нашей же темы важно то, как сам Потанин объяснял причины обрушившегося на него губернаторского гнева, раскрывая при этом важные стороны своего мировоззрения, сказавшиеся на его исследовательских подходах.

Как ни странно, версий приключившегося с ним в Самарской губернии несчастья у него самого оказалось несколько, которые он излагал в разное время и при различных обстоятельствах. Выделим две основные. Самая доступная для читателя изложена в наиболее известном и растиражированном мемуарном произведении Потанина «Воспоминания о Н.А. Некрасове». Согласно изложенному здесь рассказу, губернатор-самодур, немец по происхождению, невзлюбил штатного смотрителя за то, что он в праздничные дни вместо обязательного визита к начальнику губернии предпочитал ходить с учениками на службу в храм²⁵.

Исследователи жизни и творчества Некрасова, для которых мемуары Потанина являются одним из важных источников, тем не менее предпочитают игнорировать такое объяснение. Оно плохо вяжется с привычным образом представителя «некрасовского окружения», который непременно должен проявлять свободомыслие, в том числе в вопросах религии. Литературоведы при упоминании Потанина предпочитают утверждать, что тот стал жертвой преследования за сатиру, написанную против губернского начальства²⁶. Эту версию повторяют и краеведы²⁷. Да и сам Некрасов после знакомства с бывшим штатным смотрителем писал Н.А. Добролюбову в 1860 г. о гонениях на Потанина именно за

«сатиру на местные власти»²⁸, явно получив из его уст именно такое объяснение случившегося.

По нашему мнению, обе версии конфликта губернатора и штатного смотрителя не противоречат, а дополняют друг друга. Трудно судить, насколько они точны с фактической стороны, но повод для такого конфликта мог быть действительно не один. Эти, казалось бы, противоречивые объяснения на самом деле вполне соответствуют неоднозначной личности Потанина. По общественным убеждениям он, несомненно, был демократом-разночинцем, болезненно реагирующим на чиновный произвол и социальную несправедливость, а по религиозным взглядам – глубоко верующим православным человеком, который считал, что «религия есть и основной камень, на котором зиждется все благосостояние человека»²⁹. Обе эти стороны его натуры нашли отражение в исторических взглядах.

Творцом истории (Потанин говорит о локальной истории) является народ Самары: торговцы, промышленники и простые труженики. Именно они являются зиждителями города и его благосостояния.

Потанин подметил, самарские старожилы любят утверждать, что все они являются потомками или мятежных стрельцов, или просто беглых, пришедших сюда за волей. Как исследователь он считает это преувеличением, справедливо указывая на наличие в первоначальном населении города значительного числа казаков, служилых и других людей, вовсе не сосланных сюда и ни от кого здесь не скрывавшихся³⁰. Тем не менее нарочитое подчеркивание исконного вольнолюбия и самостоятельности самарских жителей и их предков ему импонирует. Оно тем более привлекательно для выходца с крепостнического Симбирского Правобережья, на всю жизнь запомнившего перенесенные в детстве позор и страх холопства.

Потанин не идеализировал жителей Самары, понимая, что стремление к свободе может быть порождено себялюбием, жадностью, своеволием, что оно может доставлять неприятности и даже представлять опасность для окружающих. Тем не менее бывшего дворового мальчика переполняет гордость за то, что он теперь свободный человек, живущий среди свободных людей. Свобода для Потанина – источник человеческой активности и самостоятельности, без которой невозможно было бы освоение заволжских пространств, в ходе которого менялись сами люди и их отношение друг к другу: «Удивляемся, как разнохарактерная толпа стрельцов, удаленная сюда Петром Великим, соединившись впоследствии с теми, кто или бежал от своего помещика, или кто был не доволен своей судьбой и ро-

диной, или кто, наконец, укрывался от неумолимого правосудия законов, – удивляешься, как эта толпа составила общество! Удивляешься, как эта толпа нестройная, дикая, своевольная, имея общего одно только стяжание, корыстолюбие, превратилась наконец в стройное гражданское общество. И самая дикость первожилов, самое своеволие, неповиновение, самая леность и буйный их разгул, – все это под влиянием благотворного, обильного края превратилось в деятельность, в промышленность, в торговлю»³¹.

Вместе с тем Потанин вполне разделял мнение земляков о предопределенности возвышения и процветания Самары промыслом Божиим, что было ей предсказано в пророчестве Алексия, митрополита Московского, и исполнено благодаря молитвам этого святого, ставшего небесным покровителем города. Образованный учитель знал, что местная легенда о пребывании митрополита Алексия на месте будущего города не имеет подтверждения в письменных источниках, включает «много рассказов, несогласных с жизнеописанием Святого»³². Тем не менее ее краткое изложение предстает в «Записках» как начало истории Самары и как причина преуспеяния города: «Святой изрек пророческое слово: «на сем месте соизидется велий град». – И вот промчались веки, сбылось речение Святого: холм превратился в храм во имя Святого Алексия Митрополита, рыбацьи хижинки в громадные каменные здания и тысячу хлебных житниц, которые ломаются от богатства; дикий пустой берег огласился народом и закипел жизнью, деятельностью, промышленностью, торговлей»³³.

Недостатки преимущественного использования устных источников проявлялись в отношении изучения давней старины в первую очередь. Ранние века Самары остались для Потанина недоступными во многом из-за того, что он не мог привлечь письменные материалы. Все последующее время после плавания святого Алексия и до конца XVIII в. спрессовано в общую немногословную картину жизни маленькой приграничной крепости, укрывшейся от нападений кочевников за мощными потоками двух больших рек, Волги и Самары, и земляными валами. Косвенно подтверждает незнание Потаниным, когда он писал сочинения для РГО, ряда важнейших трудов по истории Самары и всего Заволжья в 18-м столетии и ранее следующее обстоятельство. Только спустя более четверти века после «Записок о Самаре» он в июле 1881 г. с неподдельным восторгом поделился в своей переписке впечатлениями от первого прочтения книг П.И. Рычкова³⁴.

Не считая краткого упоминания об исходе калмыков со Средней Волги, повествование о

конкретных и реальных событиях в жизни города начинается Потаниным с пугачевского восстания, отдаленного приблизительно на 80 лет. Именно на эту предельную глубину простирается память его информаторов, среди которых есть живые свидетели событий 1773-1775 гг. «Как родимый не помнить Пугача, помню маненька, я тогда лет десятка был паренёк-мальш», – говорит «Дедушка из Самары»³⁵.

Слова «помню Пугача» не означают прямой встречи с предводителем восстания, который в Самаре не был, о чем старожилы прекрасно осведомлены: «Сам-ат он, правда, не был здесь, Арапишку (атамана И.Ф. Арапова. – Л.А.), вишь, барского человека, анаралом-ти сделал, да прислал народ-то преклонять на свою сторону». Для жителей Самары «Пугач» является символом определенного этапа в жизни города. Потанин поясняет: «Пугачев, или правильнее по-нашински Пугач, есть эра, от которой мы ведем свое летоисчисление. Во всем Самарском крае вы услышите: это было до Пугача; ну, это в самую Пугачевщину; ну, а вот это после никак Пугача»³⁶.

Хотя письменные источники были Г.Н. Потанину недоступны, пугачевские страницы «Записок о Самаре» насыщены реальными подробностями, которые в подавляющем большинстве полностью нашли подтверждение в современных исторических трудах, написанных на основе донесений военных и гражданских властей, следственных дел пугачевцев и документов из их лагеря³⁷. Единственный существенный и нам уже знакомый недостаток «пугачевских» страниц в сочинениях Г.Н. Потанина – отсутствие точных датировок.

Этот недостаток проявился и при рассказе о трагических событиях «первой холеры», как в Самаре называли самое раннее в истории города появление этой страшной болезни. Самара пережила удар длившейся несколько лет первой мировой пандемии холеры в 1830 г., а не в 1831 г., как ошибочно пишет Потанин³⁸. Там же, где он передает в деталях и подробностях рассказы очевидцев, переживших панику, несчастья, ужас и горе, которые обрушились на город, Потанин весьма точен и правдив. Собранные им свидетельства хорошо подтверждают и дополняют сведения, полученные из архивных дел, что уже было показано в литературе. Было также отмечено то, что важную роль в преодолении эпидемии и недопущении здесь очередного «холерного бунта» сыграли религиозные чувства горожан и усилия служителей церкви³⁹, на чем особо настаивали Потанин и его информаторы.

Говоря о занятиях горожан, Потанин часто обращается к ведущей теме в экономической истории Самары того времени – хлебной торгов-

ле. В старинные времена земледелия здесь на опасной восточной луговой стороне не заводили, а потому хлеба своего не было: «Пльвэщито пирога здесь не кэпывали, не только за пшеницей пристать»⁴⁰.

Рубеж XVIII-XIX вв. стал временем постепенного распространения здесь зернового земледелия. С уходом из окрестностей Самары кочевников «жить то на степей стало льготнее; земельки-то, знашь, стали пахать помаленьку», а «лет же пятьдесят тому назад можно положить здесь начало хлебной промышленности». Однако прошло еще четверть века, прежде чем произошел настоящий прорыв в этом деле: «Но первые двадцать пять лет, по словам стариков, народонаселение едва-едва прибавлялось. Наконец в последние двадцать пять лет степь быстро стала заселяться»⁴¹.

Приметой города стали хлебные амбары на речном берегу: «Лет десятков пять назад будет, так амбаров-ти всего десяток был... Это нони вон их глазом не окинешь». Главным сокровищем, свозившимся сюда, а затем грузившимся на суда, которые отправлялись по Волге, была пшеница твердых сортов «белотурка». Потребовались усилия производителей и торговцев, чтобы продвинуть на рынок это внешне невзрачное и, казалось бы, нетоварного вида зерно: «Спервоначалу-то, знашь, все на белотурку нападали; годка три совсем не брали, все смеялись: «Эк, он, говорит, гороху привез, сам его съешь». Ну, а там как учуяли да вцепился всякой в пошеничку; ну, оно и вышло, что вы теперь, я чаю, уж сами видите, как все учили за ней, матушкой, уганивать»⁴².

Выяснив непревзойденные кулинарные свойства получаемой из нее муки, спрос на заволжскую пшеницу предъявили не только российские, но и зарубежные потребители. Хотя Потанин отдавал должное самарским салотопням, бахчам и огородам, однако отмечал, что все прочие занятия жителей города, включая когда-то знаменитые «рыбные ловли, наоборот, чрезвычайно упали, потому что теперь всех занимает только одно: наша обширная, наша громадная хлебная промышленность!»⁴³.

Другие материалы, присланные в РГО из Самары в середине XIX в., также рисуют картины триумфального шествия белотурки по полям, торгам, трактам и водным путям⁴⁴. При этом они позволяют внести уточнения в опять-таки очень приблизительные датировки Потанина. Переломным при переходе к товарному производству хлеба называется 1833 год, когда одновременно с большим урожаем поднялись цены на рожь и пшеницу, а десятилетие с середины 1830-х до середины 1840-х гг. именуется «настоящей белотурочной лихорадкой»⁴⁵.

В отличие от большинства краеведов прошлого и настоящего Г.Н. Потанин равнодушен к политическим и административным вопросам, событиям общероссийского значения. Он не упоминал никаких войн, которые вела страна, включая Отечественную войну 1812 года, никаких даже самых важных законодательных актов и реформ. Потанин не сделал ни малейшей попытки связать историю города с официальной хронологией, которая велась по царствованиям. Более того, что удивительно для исторического сочинения середины XIX в., из всех правителей России он упоминал лишь Петра I и Екатерину II, и то только потому, что приурочивал к их правлению два примечательных момента истории Самары – ссылку мятежных стрельцов и Пугачевщину.

Впрочем, о несколько пренебрежительном отношении Потанина к «хроносу» в истории уже не раз говорилось выше. К «локусу» он более внимателен.

Во-первых, Потанин практически не уходит за очерченные для себя «локальные» рамки. Столичные города почти не упомянуты в его сочинениях, Москву он вспоминает трижды, Санкт-Петербург – всего лишь один раз. Другим городам в его сочинениях «повезло» не более, и то только тем, которые связаны с Самарой торговыми связями.

Во-вторых, Самара живет в сочинениях Потанина в контексте двух великих географических ориентиров, Степи и Волги. Именно через них она включена в единое пространство России.

В-третьих, Самара Потанина насыщена и многочисленными местными ориентирами: исчезнувшими, уходящими, существующими и возникающими. Он своими глазами и через своих рассказчиков следит, как растет город вовне, как меняются его улицы, появляются новые здания. Именно из-за этого он столь пристальное внимание уделяет большим самарским пожарам. Кроме опасностей и несчастий они несут важную функцию, заставляя жителей преобразовывать и благоустраивать свой город: «Те же самые опустошительные пожары делают Самару еще обширнее, еще прекраснее»⁴⁶. Пожары для Потанина как «локального» историка важны прежде всего тем, что от них осталась не только хрупкая «живая» память, но и материальная «монументальная» – изменившаяся планировка и застройка города.

Грандиозные пожары 1807, 1848 и 1850 гг. дополняют потанинский список основных событий самарской истории, который только на первый взгляд выглядит очень кратким и бедным. На самом деле он укладывается в достаточно стройную концепцию.

Исследовательский подход Потанина не хронологичен, хотя при этом ничуть не противоречит принципу историзма. События и явления происходят в правильной последовательности, и причинно-следственные связи не нарушаются. Каждому из них отведено правильное место на хронологической шкале, но оно не всегда обозначено какой-либо датой или эта дата не всегда точна.

Нельзя утверждать и то, что сочинения Потанина построены по тематическому принципу. К диалогам и монологам «Дедушки из Самары» этот принцип применим с трудом, а подзаголовки в «Записках о Самаре» не всегда точно и правильно отражают содержание текста.

Внутренняя логика локальной истории Самары у Потанина строится в итоге на «некоторых происшествиях», ознаменовавших внешние вехи и глубинные причины закономерного и целенаправленного процесса развития. Цель этого процесса предопределена и предсказана в пророчестве митрополита Алексия – первом событии этой истории.

Реализуют эту цель обычные и очень разные люди со всеми достоинствами и недостатками, исходя из своих земных забот и интересов. Однако общий характер их деятельности обусловлен вольнолюбием, самостоятельностью, активностью, заложенными в жителях Самары отправкой сюда мятежных стрельцов, других ссыльных, приходом беглых, что и стало вторым важным событием и целым явлением в истории города.

Следующая ее поворотная точка – исход кочевников из Заволжья, когда заканчивается длительная борьба с угрозой из Степи и богатейшие природные богатства переходят в руки отважных, трудолюбивых и предприимчивых людей, продолжающих стекаться в Самару. Ближе к этому по времени стоит еще более важная эпоха местной истории – Пугачевщина, истинный смысл которой заложен в концовке и конкретно-событийного рассказа, и полуфантастической легенды о случившемся тогда в Самаре. В обеих этих версиях, воспроизведенных Потаниным, как, впрочем, и в действительности, императрица прощает взбунтовавшуюся Самару. Это знаменует полное принятие жителями Самары принципов государственности и законности, окончательное вхождение пограничной крепости в политическое пространство имперской России.

Продолжением случившегося в конце XVIII в. становятся такие явления, как переход к земледельческому освоению заволжских степных черноземов в начале XIX в. и «пшеничная лихорадка» 1830-1840-х гг., создавшие условия для превращения Самары в торговый центр и повышения достатка ее жителей. Видимым выражением этого превращения стал пожар 1807 года и его

последствия, когда исчезла старинная крепость с маленькими домами и тесными улицами, а на ее месте и далеко за ее прежними границами стал расти красивый, большой и богатый город.

Еще одно важное в свете местной истории событие – «первая холера» 1830 года – трактуется в работах Потанина прежде всего как духовное испытание. Эпидемия неожиданной и до того неизвестной болезни «имела огромное влияние на нравственность народа и на преобразование его идей и вообще образа мыслей»⁴⁷. Это испытание выдержали далеко не все, но в целом, считает Потанин, оно укрепило в жителях человеколюбие, семейные ценности, религиозные чувство и усилило позиции православной церкви.

Последние по времени важнейшие события местной истории, пожар 1850 года и открытие губернии в 1851 г., еще не получили за малым числом прошедших лет настоящего продолжения и понимания. Однако Потанин вполне уверен в общей направленности их воздействия на окончательное «уничтожение степной дикости здешнего народа» и повышение его бытовых запросов до более цивилизованного уровня: «Вообще же само происшествие можно отнести не только к улучшению города, но не менее того и к преобразованию жителей: тот кто прежде имел черную грязную избу, строил себе после пожара светлицу; кто имел до пожара светлицу, тот ставил себе дом; а с этим, конечно, хоть не у всех, но у многих, появилось желание пожить «баричем», - как они здесь выражаются»⁴⁸.

При всей своей оригинальности, особенно для середины XIX в., концепция локальной истории Потанина по форме укладывается в официальную идеологическую формулу николаевского царствования «православие, самодержавие, народность». Однако акценты здесь расставлены своеобразно. Сделан очевидный упор на «народность» и «православие» при полном уходе от оценок роли и значения «самодержавия» или государства в целом, когда о верховной власти почти ничего не пишется, а местная администрация и полиция изображаются весьма нелицеприятно.

Работы Потанина по локальной истории подтверждают вывод, уже прозвучавший в исторических трудах последних лет, что на окраине империи «теория официальной народности» представляла собой не совсем то, что задумывали столичные теоретики, что в провинции она могла стать основой реальной просветительской деятельности, отражая живые патриотические чувства. Эти чувства, как показывает пример Потанина, включали в себя любовь к «малой родине», откликнулись на не менее живое отношение к ее истории в среде горожан, сберегали

эту историю в народной памяти, подвигали образованных представителей местного общества к письменной фиксации и научному осмыслению уходящей устной традиции.

«Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» являются в культурном наследии Самары середины XIX века, несомненно, одними из самых примечательных памятников. Их значение выходит за рамки исторического краеведения, хотя и в нем они еще не нашли достойного понимания. Анализ показывает, что они представляют собой не только важный источник для изучения определенного города и края. Приемы подбора, исследования и изложения исторического материала, использованные Г.Н. Потаниным, оказались весьма своеобразными для российской историографии своего времени в целом. Продуктивность некоторых его подходов, адекватность наблюдений, ценность выводов стало возможным осознать уже в рамках новейших методологических подходов к «локальной» истории, «устной» истории и истории повседневности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т.1. С.125.

² Смирнов Ю.Н. Материалы по истории, этнографии, фольклору Самарского края в архивных фондах и делах Русского Географического общества 1840-1850-х гг. // Архивы и общество: исторический и социальный аспекты: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2008. С.289.

³ См.: Знакомые: альбом М.И. Семева. СПб., 1888.

⁴ Краснов Г.В. Н.А. Некрасов в кругу современников. Коломна, 2002. С.147.

⁵ Макеев А.Ф. Г.Н. Потанин-писатель и Г.Н. Потанин-путешественник // Русская литература. 1968. №3. С.197-198.

⁶ Селиванов К.А. Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1953. С.132.

⁷ Зеленин Д.К. Описание рукописей архива императорского Русского географического общества. Пг., 1916. Вып.3. С.1190-1191, 1195-1196.

⁸ Этнография Самарского края XVIII-XIX веков: библиографический указатель. Самара, 1994. С. 47-48.

⁹ Смирнов Ю.Н. Корреспонденции из Самарского края в Русское Географическое общество как отражение интереса к региональной истории и культуре в середине XIX века // Самарский земский сборник. 2006. № 1-2. С. 43.

¹⁰ ОР РНБ. Ф.660. Д.8. Л.1-2.

¹¹ Краснов Г.В. Н.А. Некрасов в кругу современников... С.147.

¹² НА РГО. Р. №26. Д.15, 19.

¹³ Лихачев Д.С. Краеведение как наука и как деятельность // Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000. С.159-173.

¹⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С.452, 468-469.

¹⁵ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.3об.

¹⁶ Смирнов Ю.Н. Императорское Русское географическое общество и развитие культурного и научного потен-

- циала провинции при Николае I (на примере корреспонденции о Самарском Поволжье) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конференции. Кострома, 2010. С.401.
- ¹⁷ НАРТ Ф.92. Оп.1. Д.7004. Л.421об.-422.
- ¹⁸ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.4об.
- ¹⁹ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.3об.
- ²⁰ НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.50.
- ²¹ *Краснов Г.В.* Н.А. Некрасов в кругу современников... С.146-147.
- ²² НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.16об.
- ²³ РГИА. Ф.733. Оп.48. Д.73. Л.21.
- ²⁴ Переписка Н.А. Некрасова. Т.1. М., 1987. С.346-347.
- ²⁵ *Потанин Г.Н.* Воспоминания о Н.А. Некрасове // Исторический вестник. 1905. №2. С.458.
- ²⁶ *Краснов Г.В.* Н.А. Некрасов в кругу современников... С.141-142.
- ²⁷ *Макеев А.Ф.* Г.Н. Потанин-писатель... С.198.
- ²⁸ Переписка Н.А. Некрасова... С.347.
- ²⁹ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.16об.-17.
- ³⁰ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.14об.-15.
- ³¹ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.2об.-3.
- ³² НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.18об.
- ³³ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.2.
- ³⁴ ОРРК НБЛ КПФУ. Е.х. 213. Л.214.
- ³⁵ НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.6.
- ³⁶ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.10.
- ³⁷ *Смирнов Ю.Н.* Самарское Рождество 1773 года // Самарский краевед. Самара, 1994. С.6-20.
- ³⁸ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.20.
- ³⁹ *Артамонова Л.М.* Самарское общество и Церковь во время эпидемии 1830 года // Восьмые Иоанновские чтения: сб. науч. трудов. Самара, 2004. С.21-28.
- ⁴⁰ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.4об.
- ⁴¹ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.15 и об.
- ⁴² НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.30 и об.
- ⁴³ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.31.
- ⁴⁴ НА РГО. Р. №34. Д.6, 22 и др.
- ⁴⁵ *Смирнов Ю.Н.* Материалы Русского Географического общества о населении Заволжья и его этническом составе до середины XIX в. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. №3. С.26-27.
- ⁴⁶ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.2об.
- ⁴⁷ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.11об.
- ⁴⁸ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.14.

**THE MANUSCRIPTS BY G.N. POTANIN «NOTES ON SAMARA»
AND «GRANDFATHER FROM SAMARA» AS WONDERFUL SOURCES
IN «LOCAL» HISTORY OF THE MID-19th CENTURY**

© 2013 L.M. Artamonova

Samara State Academy of Culture and Arts

The writings by G.N. Potanin are the valuable sources on the life of Russian provincial town on the eve of the Great Reforms. Their value as the unique monuments of historical thought can be estimated only thanks to the modern theoretical approaches.

Key words: History of Russia of the 19th century, the historical regional studies, local history, historiography of native history.